

LILLIE
LAINOFF

ONE FOR ALL

Farrar, Straus and Giroux (BYR)

New York

ЛИЛИ
ЛЭЙНОФФ

МУШКЕТЕРКА

Перевод Евгении Сапгир

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
Л92

ONE FOR ALL
by Lillie Lainoff

Published by arrangement with Farrar Straus Giroux Books for Young Readers,
an imprint of Macmillan Publishing Group, LLC.

All rights reserved.

Печатается с разрешения литературного агентства Nova Littera SIA.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное,
в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме
для частного или публичного использования возможны
только с разрешения правообладателя.

Лэйнофф, Лили.

Л92 Мушкетерка : [роман] / Лили Лэйнофф ; пер. с англ. Е. Сапгир. — Москва : Popcorn Books, 2024. — 464 с.

ISBN 978-5-907696-20-4

Все видят в Тане де Батц большую девушку, которая не знает, когда очередной приступ слабости свалит ее с ног. Мать отчаянно хочет выдать Таню замуж, чтобы обеспечить ее безопасность. Но Таня грезит совсем о другой жизни. Ведь отец, бывший мушкетер, с малых лет рассказывал дочери о своих приключениях и учил фехтовать, не делая поблажек.

Когда отца жестоко убивают, Тане кажется, что ее мечтам уже не суждено сбыться. Но оказывается, что незадолго до гибели он записал ее в некую Академию благородных девиц под руководством мадам де Тревиль. Только приехав в Париж, Таня обнаруживает, что на самом деле это тайная тренировочная база для девушек-мушкетеров. Их учат сражаться, соблазнять мужчин, выведывать опасные секреты — все ради Франции и короля.

В Академии Таня наконец обретает верных подруг и благородную цель. В стране недавно утихла смута, и заговорщики, недовольные властью Людовика XIV, снова плетут интриги. Юным мушкетеркам предстоит выяснить, что они задумали. Но Тане не дает покоя тайна смерти отца. Сможет ли она ради долга оставить мысли о мести? Или ей не придется выбирать?

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

© Евгения Сапгир, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

Popcorn Books, 2024

Copyright © 2022 by Lillie Lainoff

Cover art © Julie Dillon

ISBN 978-5-907696-20-4

Посвящается маме:

однажды ты сказала мне, что я твоя героиня.

Тогда я не ответила тебе, как должна была,

что и ты всегда будешь моей героиней

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Люпьяк, Франция, 1655

Даже в темноте было видно, что входная дверь приоткрыта. Чья-то тень наискось скользнула через порог и исчезла, растворившись во мраке.

— Жди здесь, — велела я.

— Таня, — прошептала мама, но я уже устремилась по залитой лунным светом мощеной дорожке, что вела к двери. Рукой я придерживалась за заборчик, который отец построил для меня четыре года назад, когда мне исполнилось двенадцать, чтобы мне было на что опереться, если головокружение становилось слишком сильным.

Пальцы привычно скользили по гладкому, истертому дереву. Я медленно продвигалась вперед тихими, осторожными шагами. У самой двери головокружение накатило снова, перед глазами пошли черные и серые волны. Я прижалась щекой к прохладному дереву. Когда приступ прошел, я заглянула в дверь.

Кухня была разгромлена. Повсюду валялись разбросанные кастрюли. Когда я увидела красные брызги на шкафчиках, у меня что-то сжалось в животе — но это оказалась не кровь, а всего лишь раздавленные помидоры. Стол и все горизонтальные поверхности были припорошены мукой.

Папа еще не вернулся из поездки. Мама осталась у ворот. Так что я была совсем одна, да еще и с пустыми руками.

— Проклятье! Проверь еще раз, — донесся из темноты резкий, отрывистый голос. Времени на то, чтобы сходить в конюшню и забрать с оружейной стойки свою шпагу, у меня не было. Кухонный нож мало на что годится, разве что в ближнем бою... или я удачно его метну, но сама мысль об этом заставила мои внутренности свернуться в тугий узел. Так я только сама покалечусь. Я обшаривала кухню взглядом в поисках подходящего оружия и наконец остановилась на камине. Пожалуй, кочерга — самый подходящий вариант. За неимением лучшего.

Сомкнув пальцы на холодном металле, я закрыла глаза... ощущая в руке железную рукоятку, я почти могла убедить себя, что моя шпага при мне.

Я двинулась на звук голосов, доносившихся из папиного кабинета. Внутри я увидела двоих мужчин в плащах: один что-то искал на столе, другой караулил у окна. Мы возвращались с рынка коротким путем, поэтому он нас не заметил: в окно ему была видна только главная дорога.

Матап, умоляю, оставайся на месте, как я тебя просила. Позволь мне позаботиться о тебе. Хотя бы в этот раз.

— Ты слышал?

Мое сердце затрепетало при звуке этого незнакомого голоса — скрипучего, будто им не пользовались неделями.

— Пустяки, — отозвался другой голос, не такой напряженный, скорее тягучий и плавный. — Может, и к лучше-

му, если вернулась жена с этой их увечной девчонкой. Мы их выпотрошим, и пусть де Батц найдет останки. Будет знать, как совать свой нос куда не следует.

Я отвлеклась, и расшатанная половица скрипнула у меня под ногами. За дверью послышались движение и чье-то дыхание.

— А ну-ка, кто это у нас тут?

В дверном проеме возник мужчина, очень высокий. Это был обладатель второго голоса. Его взгляд упал на кочергу у меня в руках:

— И что, скажи на милость, ты собралась делать с этой штуковиной?

Я замахнулась, изо всех сил стараясь выглядеть как отец — суровой, сильной, неустрашимой, — хотя колени у меня дрожали, а поле зрения сузилось. Он плотоядно взглянул на меня, оценил, как нетвердо я держусь на ногах, и сердце забилося у меня в горле.

— Увечная девчонка не лыком шита, а?

Перед глазами у меня все поплыло, но даже в таком состоянии я заметила, как он окаменел, услышав снаружи перестук колес по мостовой. Неужели мама привела военных маршалов? В другой ситуации я отреагировала бы на это тупой болью в груди: ну почему она мне не доверяет? Но сейчас мне было не до того: сердце выпрыгивало из грудной клетки, ноги ходили ходуном, и надо мной навис верзила в черном плаще.

Незванные гости забежали по кабинету, взметнулся вихрь бумаг. Пытаясь выбраться из комнаты через окно, в спешке один из них опрокинул фонарь. Я рванулась подхватить его, но не успела. Фонарь упал на пол, и языки пламени побежали по потертому ковру, стали карабкаться вверх по стенам. Черный плащ мелькнул в проеме окна с выбитым стеклом и растворился в ночи.

Сквозь дым и пламя я доковыляла до приставного столика, на котором стоял кувшин с водой, и потратила последние силы на то, чтобы выплеснуть ее на пламя, пожирившее занавески. С тихим шипением огонь погас. В горле першило от дыма и сдерживаемых рыданий.

Я дала им уйти.

Папа ни за что не упустил бы их. Папа был сильнее, быстрее, и его уж точно не остановило бы головокружение.

Сердцебиение никак не унималось, я чувствовала его пульсацию даже в зубах. Разбитое окно сначала раздвоилось, потом утроилось перед глазами. Три зияющие дыры потянули меня к себе, ноги подкосились, коленные чашечки со стуком ударились о половицы.

Я увидела, как надо мной с встревоженным видом склоняется отец. Должно быть, из-за головокружения меня подвело зрение. Его здесь быть не должно.

«Рара», — попыталась выговорить я, но язык прилип к гортани. В следующий миг меня поглотила тьма.

— Тише, девочка моя, тише. Тебе крепко досталось.

Поморщившись из-за слишком яркого света, я приподнялась и оперлась спиной о стену. Папин письменный стол валялся на полу, словно труп, портьеры обезображены, повсюду пепел, обугленное дерево и подъеденные огнем бу маги.

Повернув голову, я увидела отца. И тут же отвела взгляд, ощущая во рту горький привкус неудачи.

— Я так испугался за тебя, — сказал он, бросив взгляд на карманные часы. — Ты не приходила в себя пять минут, но казалось, что целую вечность.

Нахмурившись, он внимательно посмотрел на меня:

— Таня, что случилось?

— Грабители. Я не смогла им помешать. Я старалась, правда, но начался пожар, и... Пстой, Пара, а ты-то здесь откуда?

— Я освободился быстрее, чем планировал. Вот решил вернуться на день раньше. Сюрприз! — Он невесело усмехнулся, оглядывая разоренный кабинет.

Папа нередко совершал деловые поездки в соседние города. Состоятельные провинциалы были не прочь открыть у себя новую школу фехтования, и отец был лучшим кандидатом на роль главного фехтовальщика. До сих пор он не принял ни одного предложения — а недостатка в них не было после того, как он ушел на покой. Время от времени он подшучивал над претендентами: давал несколько уроков, получал свой гонорар и уезжал восвояси. Но я-то знала его достаточно хорошо, чтобы понимать, что в эти поездки он отправляется далеко не ради денег. Разъезды давали ему возможность навестить старых друзей, сослуживцев по *Maison du Roi* — Дому короля, при котором служили несколько рот гвардейцев и мушкетеров. Теперь его товарищи занимали видные должности в службе военных маршалов по всей Франции либо служили военными советниками. Папа ни за что бы это не признал, но я подозревала, что в глубине души он мечтает вернуться. Не в Париж — полный опасностей и блеска город с его свинцовым подбрюшьем и залитыми кровью переулками, — но к своим друзьям, за которых он каждый день готов был рисковать жизнью. К братьям по оружию, ставшим для него семьей.

Когда я была совсем маленькой, я даже познакомилась с некоторыми из них. Смутные детские воспоминания о высоких мужчинах с раскатистым смехом — я будто смо-

трела на них сквозь воду в пруду: свет преломлялся, черты искажались, и в итоге картинка получалась весьма далекой от оригинала. Вдобавок в мою жизнь пришли постоянные головокружения, а папины сослуживцы оказались разбросаны по всей стране, обзавелись семьями и продолжали защищать Францию. Так что едва ли у нас было много шансов на новые встречи.

Отец усадил меня в кресло и не оставлял в покое, пока я не завершила его, что чувствую себя хорошо — он отлично знал, что я имею в виду. Затуманенным взглядом я следила за тем, как он склоняется над полом и проводит пальцем по пыльным останкам дневника, чья кожаная обложка почернела и скукожилась от огня. Мне показалось, что я заметила облегчение у него на лице. Его золотой перстень с печаткой в виде французской лилии и двух перекрещенных сабель сверкнул на фоне пепла. Он выпрямился:

— Сколько их было?

— Двое, — ответила я, и меня снова охватил стыд. Я очень старалась. Но моих стараний всегда оказывалось недостаточно. — Прости, что я не справилась.

— Моя дорогая, моя глупенькая дочка... как именно ты собиралась справиться с двумя грабителями и в то же время позаботиться о том, чтобы наш дом не сгорел дотла?

Я промолчала. Не то чтобы он ждал ответа: он был поглощен разбором оставшихся бумаг, сломанных выдвижных ящиков и разбросанного повсюду содержимого.

— Что они забрали? — спросила я.

— Ничего важного.

— А зачем тогда они пришли? Разве не для того, чтобы взять что-то важное?

Я заметила, как дернулась его челюсть, как уголки глаз прищурились, превратившись в острия кинжалов, — имен-

но это выражение лица я недавно пыталась изобразить, чтобы скрыть свой страх.

— Уверен, они искали драгоценности твоей матери, когда ты вошла.

— Но они знали твое имя! Они сказали... что убьют и меня, и Матап и оставят тут, чтобы ты нас нашел.

Отцовские глаза полыхнули гневом. Он обхватил меня руками и прижал к себе так, что моя щека оказалась прижата к его плечу. В таком положении я не могла увидеть его лицо.

— Я горжусь тобой.

— Это не пожар виноват... если бы только у меня не закружилась голова, я схватила бы их. Я бы защитила нас.

Он отстранился, чтобы посмотреть на меня:

— Как ты можешь так говорить... как ты можешь даже думать так! Ты проявила мужество! Ты защитила честь нашей фамилии.

Я хотела спросить, откуда они появились. Кто, кроме жителей нашего города, мог знать о нас... о моей проблеме? Но тут послышались шаги, и на пороге появилась мама. На ее лице не было заметно следов слез, она держалась невозмутимо, как скала. Ее взгляд скользнул по мне, по разломанной мебели, губы сжались, и только тогда она посмотрела на отца. Они обменялись взглядами, которые я не могла истолковать.

— Я не ждала тебя домой к ужину. Быстро собрать на стол не смогу. Надо посмотреть, осталась ли на кухне еда, которую не размазали по стенам.

— Ma chère, дорогая, — начал он, но она взглядом пригвоздила его к месту.

— А с тобой даже разговаривать не хочу, — заявила она, обращаясь ко мне. — Бросилась во тьму играть в героя! Ты

еще совсем девочка, Таня. Ты могла потерять сознание! В этот самый момент я могла отскребать твои останки от пола! — Ее губы задрожали. — Ты ведь потеряла сознание, да? У тебя на лбу уже наливаются синяк.

Ну да, я всего лишь девочка. К тому же больная. Когда доходит до настоящего дела, я оказываюсь беспомощной. Потому что именно такова жизнь больной девочки.

— Утром я найду слесаря, — наконец нерешительно сказал папа. — Я позабочусь о том, чтобы никто не причинил вам вреда.

— Этого ты обещать не можешь, — парировала она.

Его рука дернулась. Я почувствовала, потому что это была правая рука, которой он поддерживал меня под локоть на случай, если земля опять уйдет у меня из-под ног. Он словно хотел протянуть эту руку к ней. Но тут мои глаза закрылись, а когда они открылись снова, все поле зрение заполнил отец. Потом в картине мира появилась мама, суеющая с кастрюлями и мисками, скрип деревянных стульев и папин смех — все эти звуки сливались в одну мелодию, которая несла в себе не столько воспоминания о последних годах, сколько чувство, казавшееся давно забытым и погребенным под бесконечными ссорами и ледяными взглядами, отравившими прошедшие месяцы.

Как обычно называют таких, как я? Хрупкие. Болезненные. Слабые. По крайней мере, именно эти слова сказали моей маме врачи номер один, два и три, когда мне исполнилось двенадцать, и она привела меня к ним, и небо кружилось и покрывалось рябью у меня над головой, будто перевернутое озеро.

Каждый из них смотрел на меня так, будто я не от мира сего. Может, так оно и было. По крайней мере, так думал священник, когда мама привела меня в местную церковь в последней отчаянной надежде на излечение.

Головокружения начались не вдруг. Не то чтобы однажды я проснулась и вместо того, чтобы выпрыгнуть из кровати с сияющими глазами навстречу новому дню, повалилась на пол в оцепенении. Болезнь подступала медленно, коварно, незаметно. Она подкрадывалась ко мне и поначалу проявляла себя лишь мягкими приступами: то немножко затуманится зрение во время игры на ярмарке, то возникнет ноющая боль в голове. Потом я стала чувствовать головокружение и слабость всякий раз, вставая на ноги.

Поначалу мама думала, что я притворяюсь. Как-никак я была ребенком. Дети всегда так делают, правда? Прикидываются больными, чтобы увильнуть от домашних обязанностей.

Обычным девочкам не приходится хвататься за стул, чтобы встать. Обычные девочки не видят мир так, как будто он тонет в луже чернил, и не ощущают, как сердце отчаянно колотится о ребра, ноги у них не дрожат и не подгибаются. Обычным девочкам не приходится беспомощно наблюдать, как мужчины — которые только что грозились убить их мать, убить их самих — исчезают в ночи. Обычные девочки не позволяют этим мужчинам сбежать и укрыться среди темных силуэтов деревьев, держа шпаги наготове и выжидая удобного момента, чтобы вернуться и перерезать им горло...

Я проснулась с хрипом, таким громким, что он почти заглушил шепот, доносящийся сквозь щели в стенах.

Грабители! Они вернулись.

Но это оказались всего лишь мои родители, я узнала их голоса. Они обсуждали случившееся. То есть меня. И на этот раз их дискуссия отличалась от прежних. Что-то новое промелькнуло во взгляде моей матери, когда она наблюдала, как я осторожно поднимаюсь на ноги посреди разоренного кабинета, в ее глазах словно горел огонь, к которому она всегда прибегала, чтобы скрыть боль и страдание. Как-то раз она поскользнулась и ударилась коленом об стол, так что на коже моментально налился синяк, и она несколько дней ходила с застывшим на лице выражением ярости. Но она никогда еще не смотрела так на меня. Как будто больше невозможно винить мое тело во всех проблемах, которые я причиняю.

Может, я просто не знаю, что делают и чего не делают обычные девочки? Но что я тогда знаю? Как под взглядом моей матери я съеживаюсь и превращаюсь в кого-то маленького, столь незначительного, что я даже не уверена, что смогла бы узнать в себя в зеркале? О, как же я хотела, чтобы она видела меня сильной, достойной ее руки, которая всегда была готова меня подхватить! Как мне хотелось быть отражением того огня, который она всегда так тщательно сдерживала!

— Не понимаю, что я сделала не так, — послышался мамин голос.

Осторожно, стараясь не перенапрячься, я встала с кровати, подождала, пока мир вокруг меня не перестанет качаться, а потом прижалась ухом к дальней стене. Раньше моя комната была папиной библиотекой. Но потом я заболела, и с моими головокружениями и подгибающимися ногами о лестницах пришлось забыть.

— Ты все сделала правильно, — вздохнул отец. — *Ma chère*, дорогая моя, ты и Таня — это все, что мне нужно в жизни.

— Жаль, что я не смогла подарить тебе сына, а вместо этого родила дочь, к тому же такую... неполноценную.

Я не расслышала, что ответил папа.

— Я хочу, чтобы ты перестал ее обучать. Больше никакого фехтования. Обещай. Я знаю, тебе хочется передать Тане свои знания, но ты не можешь реализовать свои амбиции через нее. Будут последствия. Я не хочу, чтобы она тратила каждую минуту своей жизни, все свои силы на то, что никак не поможет ей в будущем. Ей не нужно знать, как защищать себя, ей нужны навыки. Женские навыки. Потому что, когда она... — Тут она прервалась, но я знала, что она хочет сказать. Она собиралась сказать: когда она выйдет замуж.

— Мы что-нибудь придумаем. Нет, послушай. Правда, придумаем. — Следующие несколько слов я не расслышала через стену. Потом отец снова заговорил чуть громче: — Эти подонки ждали, пока я уеду из города. Что ж, они недооценили мою готовность оставаться дома, когда дело касается моей семьи. Они не осмелятся снова сунуться, пока я здесь.

— Дело не только в этом! Что с ней будет, когда меня не станет? Когда тебя не станет? Ты не бессмертен, особенно теперь...

Послышался громкий вздох. Всклипывание и отчетливое шуршание ткани. Я отступила назад и схватилась за изголовье кровати. Я уронила голову, мои ноги стали лилово-серыми, как всегда, когда начинался сильный приступ головокружения.

Неважно, что говорила мама, неважно, как сильно мне хотелось, чтобы она видела во мне не только мою слабость. Она не сможет отобрать у меня фехтование. Все это я уже слышала: девочке незачем знать, как правильно браться

за рукоять шпаги, незачем знать, под каким углом ее рука должна прижаться к боку, когда противник готовится атаковать. Девочкам все это не нужно — особенно больным девочкам. До сих пор папа в ответ на эти аргументы лишь качал головой. Она не такая, объяснял он.

— Она — Таня, — любил повторять он. Это доводило маму до белого каления. — Она — Таня.

Таня, дочь, которая должна была родиться сыном, дочь, которая должна была продолжить дело своего отца. Но кто захочет жениться на больной девушке? Даже если она дочь мушкетера.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Полгода спустя

— Боже мой!

— Погляди, как к стене привалилась! Увечная, что ли?

Я подняла голову и оперлась рукой о каменную стену. Девушки были видны издалека: их платья яркими пятнами выделялись на фоне мощеной улицы. Я почувствовала, как кровь вопреки моей воле приливает к щекам, как меня охватывают гнев и отчаянный стыд, и выдавила из себя приторную улыбку:

— Гери! Какой приятный сюрприз!

От компании, оставив Маргерит и остальных позади, отделились три-четыре девушки, которых я знала с детства. Мне был хорошо знаком такой тип. Неприятные, но в определенных границах. На решительные действия неспособны.

Глаза Маргерит сверкнули, в них промелькнула какая-то болезненная хрупкость. Именно я придумала ей про-

звище. Еще в те времена, когда мы пропадали в полях подсолнухов, исследуя окрестности городка, а когда заплетали друг другу косички, случайно спутывали волосы в такие колтуны, что нашим матерям приходилось выстригать их... Но спустя секунду наваждение рассеялось, и Маргерит поджала губы: она подхватила эту привычку у других жителей городка. Все знали, как надо смотреть на бедняжку Таню. Как наклонять голову набок и скользить взглядом сверху вниз.

— Это давно в прошлом. Мое настоящее имя — Маргерит — мне нравится больше. Гери — всего лишь детское прозвище. — Она шмыгнула носом, разгладила складки на платье, а потом, нахмурившись, стряхнула воображаемую пылинку с зеленой ткани. Должно быть, она купила это платье на свое шестнадцатилетие, когда ездила в Париж. Об этой поездке она с триумфом рассказывала на нашей центральной площади. Таких красивых платьев в Люпьяке не водится.

Раньше мы праздновали день рождения вместе — мы родились с разницей всего в несколько дней. Однажды мы устроили совместную семейную поездку на озеро — мы стояли на разноцветном песке и ощущали, как холодная вода плещется у наших ног, и дивились тому, как огромен мир, в котором нам предстоит взрослеть. Но четыре года назад все изменилось, и наша дружба закончилась. В двенадцать Маргерит отвернулась от меня, потому что дружить с девочкой, которая все время должна держаться в стороне, которая должна оставаться тенью своей слишком тревожной матери, — это совершенно, категорически не весело. Папа хотел нанести родителям Маргерит визит и высказать все, что он думает о предательстве их дочери. Но мама убедила его, что так будет только хуже. Что он